

Полицейская Академия

*"Одежда война должна быть сделана из барсучьей шкуры.
Тогда в ней не заведутся вши. Во время длительных походов
вши причиняют много хлопот."*

Хагакурэ

Было ошибкой забыть велосипедный фонарь, но еще большей ошибкой было позволить Толстому Фрэнку ехать сзади на багажнике. Его стокилограммовая туша, взгромоздившаяся на хрупкий багажник, сплющила заднюю шину моего велика до плоского состояния. Поскольку велосипед катился вперед, она издавала шум словно жевательная резинка, отклеиваемая от чего-то. Мы ехали обратно домой в Фуджи Хайтс из видео-магазина. Это была моя первая поездка за долгое время.

Перед железнодорожным переездом был маленький холм и неустанный сигнальный звон, оповещал о том, что здесь только что прошел поезд. Барьерное ограждение было все еще поднято и поэтому я встал на педалях, чтобы получить немного дополнительной мощности. Ускоряясь вниз с холма, я совершенно рассчитал свой маневр между опускающимися ограждениями. Потом я увидел полицейского. Ближайший полицейский пункт был за углом. Обычно полицейские никогда не отходили от своего опорного пункта дальше, чем на пять метров. Что он делал здесь, с обратной стороны, я не знал. Он двинулся властно в нашу сторону и вытянул руку. Он крикнул нам, скомандовав нам остановиться, что я почти и сделал, по привычке от тренировок в додзё, но в конце концов я осознал, что поездка без фонаря была преступлением, но и это было отнюдь не главным. Я вспомнил, что Фрэнк сидел сзади. Строго говоря, он был незаконным иммигрантом, и если бы его поймали, то отправили бы обратно напрямик в Иран. Я снова встал на педалях, норовисто отклоняясь и удаляясь вниз, к другой стороне переулка. "Он нас преследует!" закричал Фрэнк мне в ухо. Неуклюже двигаясь по небольшому уклону, я мог слышать шаги и голос позади нас. "Сухое русло реки!" завопил Фрэнк. Мы перевалились через бордюр и дальше нырнули в дыру в ограждении, защищающем при циклоне. Скользя вниз по бетонной изогнутой стене, мы покатались по вымощенному руслу реки, которая была не более чем тонкой струйкой. На этом гладком покато-склоне мы быстро набрали скорость, мчась под маленькими мостами в почти полной темноте. Мы ехали и ехали, пока наконец я полностью не выдохся. Мы проскользили под темный мост. Не было никакого звука погони. После мы вернулись в Фуджи Хайтс пешком по самым темным переулкам и глухим улицам. Только когда хлипкая входная дверь была заперта позади нас, я наконец смог расслабиться, зная, что мы сбежали от длинной руки закона.

Ага заглянул в чайную комнату. "Полицейские приехали, - сказал он. - И они выглядят как натуральные слабаки".

Все выскочили наружу поглядеть. Я поставил банку горячего кофе в свой ящик, чтобы никто ее не умыкнул или не опрокинул, и последовал за остальными.

Мы посмотрели в додзё, где гражданские полицейские неловко разогревались. Некоторые из них были одеты в новенькие желтоватые доги, указывающие на их статус новичков. Другие были одеты в доги для дзюдо или каратэ. Доги для каратэ тоньше, чем предназначенные для айкидо; а у доги для дзюдо на спине проходит шов. Их обмундирование давало некоторое представление о их опыте в боевых искусствах. Все они должны были обладать по крайней мере черными поясами первого уровня в двух искусствах, или черным поясом третьего уровня в одном искусстве. Без традиционного обмундирования, их пластмассовых "самурайских" шлемов, которые были созданы по образу старомодных шлемов, их жутких зубчатых дубинок и автоматических пистолетов, они все еще выглядели крепкими и жилистыми. Они постоянно шутили друг с другом, и когда мы представились, тепло нам ответили. Они хотели с нами дружить и это было заметно.

Наставник Мастарда, великий Такэно, говорил, что разглядывать кого-то, думая "могу я его завалить?" - это первый и наиболее слабый подход к бою, который

может выбрать мужчина. Вторая стадия – это когда ты задаешься вопросом "а что если он ударит рукой? а что если он ударит рукой? что я буду делать тогда?" Последняя стадия очень сильная психологическая позиция – это когда ты говоришь с улыбкой на лице "иди сюда, попробуй самый сильный и лучший удар". Как говорит владелец японского магазина "ирасшаймаса! ирасшаймаса! добро пожаловать! добро пожаловать! заходите!"

Было очевидно, что мы все застряли на первой стадии, поскольку мы болтали и сплетничали только об одном: насколько крутыми считали нас гражданские полицейские? Когда мы встретимся на матах, чья возьмет?

Было здорово найти новую тему для разговора в чайной комнате, когда общение в течение нескольких последних дней вращалось вокруг исчезновения Крейга. Подача Крейгом заявления на культурную визу не прошла гладко и ему было приказано вернуться домой в Австралию, чтобы дождаться своей новой визы там. Это означало пропуск большого количества тренировок, возможно до месяца. Если бы он задержался дольше, чем на месяц, я очень сомневаюсь, что он смог бы вернуться на курс.

У Бена тоже возникли проблемы. В раменевом магазине, пользовавшемся успехом в основном у израильского контингента, он показал Рэму и мне свои руки, которые все еще были покрыты огромными черными синяками от запястий до локтей.

– Я не думаю, что могу достаточно долго вынести Дэнни, сказал он, когда я заказывал в очередной раз им безалкогольные напитки и пиво себе. – Он колотит меня настолько сильно, насколько может.

– Колотит? – спросил Рэм.

Бен повернулся к нему с неистовством. "Бьет меня, ударами шомен, бум-бум-бум!"

– Тоже ударь его, – озорно сказал Рэм.

– Я не могу. Слишком больно. В любом случае, я и не хочу.

– Учти, здесь либо бей, либо будь побитым, – сказал я.

– Это неправильно. Мы же только начали. Он был в армии. И он немного чокнутый... – Большой Бен неуверенно замолчал.

– Он должен хотя бы немного облегчить напор на эти руки, – согласился я, – Нет смысла добавлять ухудшать их состояние, пока они хотя бы немного не пришли в себя. Немного.

– Дэнни простой парень, – сказал Рэм, – Он знает только собственный способ.

– Он может и "простой", – сказал Бен, – но еще и редкостная сволочь.

Это была ошибка, но я решил поговорить с Дэнни. Мы сидели в чайной комнате на следующий день после тренировки.

– Кофе? – спросил я.

– Нет, спасибо, – сказал Дэнни, Он посмотрел на меня своим широко открытым лицом, его выступающие зубы создавали впечатление постоянной ухмылки. Я однажды спросил Крису, что он думал по поводу Дэнни. Он помолчал и ответил: "Слишком много зубов".

Дэнни был прямолинейным, поэтому было легко быть прямолинейным в ответ.

– Как насчет немного полегче с Беном? – спросил я.

– Ему это на пользу, – сказал Дэнни решительно.

– Он всего лишь мальчишка, – сказал я, раздражаясь от собственного жалобного тона, – Он никогда не занимался ничем подобным. Силу нужно увеличивать постепенно.

– Он должен учиться.

– Послушай, ты был в армии. Ты занимался боевыми искусствами и раньше...

– Вы все говорите так, как будто он совсем маленький ребенок, – Дэнни разозлился, – Он не ребенок, он хренов гигант о семи футах росту ... и вы все, "его друзья", не так все поняли. Он подписался на этот курс.

– Но даже если и так...

– Если и так что? Чем жестче я, тем лучше для него.

– И для тебя?

– И для меня, – повисла тяжелая тишина, – Хрень какая. – Он поднялся и рванул из чайной комнаты. По крайней мере я попробовал, подумалось мне.

Но Бен все же не сдавался. Теперь, когда прибыла полиция, у нас появилась возможность тренироваться с ними, уменьшая стресс от тренировки с одним и тем же человеком день за днем.

Из поступивших на курс новичков я уже знал Сато, Сакума и Хала, троих гражданских японских сеншусей. И Сато и Хал были опытны в айкидо, особенно Сато, который был нидан (черным поясом второй степени).

Сато было двадцать пять и он носил пальто в стиле 50-ых и фетровую шляпу на бритой голове. Было похоже, что он собрался прогуляться в этом костюме по съемочной площадке где снимали боевые искусства периода девятнадцатого века в Маньчжурии! Он так же обучался акупунктуре и знал так же массаж шиацу и их объединенное применение. Когда сеншусей травмировались, они всегда обращались к Сато за помощью.

Хал был студентом юридического факультета Университета Васэда, где все его занятия были сокращены, чтобы он мог изучать айкидо. Васэда был ведущим частным университетом, более социальным, чем Тодай – общественный университет номер один, но все же туда было весьма сложно поступить. Его друзья называли его имя во время лекций, чтобы ему отмечали посещаемость. Ночью он переписывал лекции у них.

Он был развязен и шаловлив, он приехал из Осака, что в Японии действует словно лицензия, чтобы действовать как дурак, так как в Японии большинство комиков выходцы из Осака. Это немного похоже на то, как кто-то приезжает из Ливерпуля в Великобритании. "Он держит себя как мальчик проститутка," сказал Толстый Фрэнк. И он, и Сато делали все необходимое, чтобы стать учи-деши и сделать карьеру в айкидо.

Третий штатский японец, Сакума, не был полицейским и, тем не менее, было невообразимым, что он планировал сделать карьеру в айкидо. Сакума был жирный, у него был не только избыточный вес, но он был жирным. У него было большое тело и большая голова и он был высок, возможно пять футов и десять-одиннадцать дюймов (около 180 см). Он пришел в айкидо за четыре месяца до начала курса. Он попросился поступить на курс сеншусэй и учителя, которые хихикали за его спиной, а иногда и открыто ему в лицо, согласились позволить ему попробовать. Он не был полицейским и не был учи-деши, но они позволили ему поступить на полицейский курс, потому что полагали, что он вылетит очень быстро.

В Японии люди не любят исключать вас открыто. Если вы не нужны, то они сделают вашу жизнь настолько трудной, что не оставят вам выбора. Присутствие Сакума давало более садистским учителям и учи-деши шанс показать, как избавиться от нежелательного ученика.

Сакума очаровал меня. Он был ребенком, восемнадцати лет, у которого была мечта – стать сильным и жестким, тренируясь с полицией. Его препятствия были значительны, и социальные, и физические. Несмотря на то, что он был большим ребенком, вы могли видеть как его игнорировали и измывались над ним в додзё, вероятно потому, что он был общеизвестным толстым ребенком в классе. Он, казалось, не возражал против бесконечных шуток, которые отпускали в его адрес позже, или игнорировал их полностью, потому что он был в самом начале курса сеншусэй.

По началу казалось, что не было ни одного японца, кому бы нравился Сакума. Однако, возможно именно потому иностранные сеншусэй приняли его немедленно. С самого начала он имел неприятность, чтобы держаться наравне с полицейскими, которые в свою очередь имели неприятность держаться наравне с остальными иностранцами. У нас был четырехнедельное преимущество при старте и им требовалось два с половиной месяца, чтобы догнать нас.

Сакума был своего рода талисманом для иностранцев. После тяжелого урока люди хлопали его по потной спине, поздравляя его с прохождением занятия.

Верный их политике, искоренять слабых с самого начала, японский преподавательский состав был особенно жесток к Сакума. Учи-деши пинали или хлестали его, когда он не мог двигаться достаточно быстро.

Позже я наблюдал Фуджитоми, подобного карлику учи-деши, который выглядел полусонным большую часть времени (у него были проблемы с циркуляцией крови и он всегда замерзал, словно ящерица без солнца), стоящим над Сакума и его партнером в течении целого урока. Каждый раз, после окончания техники, когда Сакума вставал, чтобы стать на свое место, он получал пинок в задницу, который опрокидывал его на пол вновь. Это заставляло его опаздывать при старте в технике снова и подвергало его большему злоупотреблению от лица учителя, который, конечно, игнорировал способ, которым Фуджитоми подстерегал жирного ребенка. Удар ногой в задницу случался каждый раз, когда Сакума делал

технику. Это продолжалось в течении целых полутора часов занятия. Сакума не сдавался. И при этом он не рассердился. Он просто продолжал вставать.

На него орали чаще, чем он того заслуживал, и был как отрицательный пример ошибок, которые совершал каждый. Ни разу я не слышал, чтобы он жаловался. Я никогда не видел, чтобы он лил слезы, хотя с количеством его пота на первом месяце курса, трудно было сказать это.

Японцы, которые вступают в Кидотай, изучают традиционные боевые искусства в течении полного рабочего дня на протяжении года. Те, кто выбирает айкидо, поступают в додзё Ёшинкан, которое посещали мы. Они оставляют большинство прав относительно собственных жизней. Только серьезная травма может дать право получить отдых от обучения, но слишком длительный перерыв приводит к провалу попытки завершить курс и, следовательно, упущению перспективы их роста. Одного полицейского, который перенес умеренный сердечный приступ во время обучения, отправили обратно из додзё с краткой записью "слабый" в его таблице успеваемости. Такие люди работают за письменными столами для Кидотай.

Суть прошения к додзё от более высоких эшелонов полиции было ужесточить полицию. Годовое обучение было разработано, чтобы стать своего рода учебным лагерем. Полиция поощряла додзё обходиться с их молодыми офицерами ужасно. Их отношение скорее походило на родителя, посылающего своего ребенка в подготовительную школу без центрального отопления: заставьте ребенка пострадать и, если он звонит домой рыдая и просит забрать его оттуда, вы знаете, что наконец он учится тому, что есть жизнь на самом деле. Полиция не была обеспокоенным родителем, которое станет жаловаться по поводу плохого обращения с их потомством.

Ходило много историй о студентах полицейских, травмированных японскими учителями. Чино сэнсэй, "деревенский парень", имел наихудший рекорд по переломам в додзё. С его приземистым телом, выдающейся вперед челюстью и плохими зубами, Чино, в свои тридцать один год был учителем, которого серьезно боялись. Он сломал локоть одному сеншусэй полицейскому и тот травмированный был освобожден от активного обучения в течении шести недель, чтобы оправиться. После, на первом же занятии того полицейского, Чино сломал ему тот же самый локоть снова.

Каждому было сказано, что они должны измениться к мероприятию под названием "Добро пожаловать на вечеринку Гражданской Полиции". Помощники учителей были взволнованы итогом этого дела. Я спросил Пола, каким образом он "изменился", когда был сеншусэй два года назад. "Я разорвал презерватив и нацепил его на голову," сказал он усмехаясь ...

...

В своей "поэме" я высветил всех жителей Запада, кроме себя самого, в чередѣ грубых лимериков. Когда я закончил Чида, удивив меня тем, что он проследил за всем этим, сказал: "Что касается вас? Почему вы пожалели себя?"

Сакума выступал последним. Была заметна его чрезвычайная застенчивость в его движениях, он наклонился, чтобы принять от последнего человека за столом зажигалку и сигаретную пачку. Он взгромоздился на перевернутую корзину, на которой все выступали, видя всех собравшихся. Было много шума, его высмеивали и приветствовали, но одно от другого не было различимо. Сакума выглядел жалобно, но не безнадежно. Он повертел в руках сигаретную пачку и оторвал от нее крышку. Потом, весьма удивив всех, он поджег ее и держал пылающий картон указательным и большим пальцами. Повисла внезапная тишина, так как толпа была прикована взглядами к огню.

Не ожидая пока огонь погаснет он захихнул пылающую массу себе рот, где и оставил ее. Он не выдыхал дыма ни изо рта, ни из носа. Он лишь стоял на корзине, выглядя робким, с мягким шипением от огня, погашенного его влажным ртом.

До тех пор я был убежден, что Сакума первым бросит курс. Но без должного умения и сноровки человек съел огонь. Только, чтобы быть принятым, он сжег весь свой рот. И его унылое упрямство заставило меня пересмотреть свое отношение к нему - Сакума был сделан из более жесткого теста, чем каждый мог вообразить.

После вечеринки Пол устроил вечеринку номер два. В Японии обычно есть череда вечеринок в один вечер, постоянная смена местоположения, служащая для того, чтобы уменьшить численность до устойчивого ядра.

Мы пошли в бар рядом с додзё. Бэн и Дэнни временно подписали перемирие по чрезвычайно трудным ударам предплечьями, которые они давали друг другу, так как Дэнни предвидел, что Бэн стал более сильным теперь и мог ответить ему столь же сильным ударом, как и он.

Каждый был пьяным бушуй, больше импровизируя комичную схватку, проходя мимо двух полицейских, в то время как наша вечеринка возвращалась в додзё. В действительности, мы добрались все немного взволнованные и Чида, появившись, скомандовал лишь одно слово. Повисла немедленная тишина в додзё, каждый был потрясен услышанным, такой короткой взрывной командой полностью властного голоса от такой кажущейся великодушной личности. Шум прекратился. Тогда он улыбнулся и сказал нам, что он не сердится. Но он добился цели и мы быстро покинули здание.

В баре Оямада сэнсэй говорил на его необычно акцентном, но компетентном английском. Он делал замки и захваты на Хале, который вопил от боли, но словно любезно соучаствуя позволял делать это вновь. Он так же применял те же самые болевые замки к Сато, выражение лица которого никогда не менялось, хотя его руку крутили с болезненным захватом.

Несколько пивных бокалов были разбиты. Хал прошептал что-то на ухо Оямада. Оямада сэнсэй затем повернулся к Полу и спросил с большой серьезностью: "Пол, вам нравится кунилингус?"

"Да, это правда ... а как насчет вас?" Пол был всегда немного жесток даже в своем лучшем поведении при японских учителях.

"Да, мне нравится это," сказал Оямада, смахнув блестящий пот на лобной затылочной его голове. Потом он повернулся к Халу и мучал того еще некоторое время.

Хал полностью соответствовал своей репутации. Он сказал нам, что Сато был "Девственником в течении двух лет!" Сато сказал, "Мой партнер сумасшедший!" и постучал Хала игриво по голове костяшками пальцев. Хал визжал, когда Оямада ударил его кулаком несколько раз с хорошим расчетом. Потом он машинально скрутил соски Хала через рубашку. Хал услужливо извивался и вопил о помощи. "Вы девственник тоже?" спросил Хал Пола.

"Нет, но я держу пари, что ты да," ответил Пол.

Оямада ожил на мгновение от полуоцепенения, в которое он погрузился. "Вы любите кунилингус, Пол?" спросил он снова.

"Все в порядке," ответил Пол, обороняясь.

Оямада усмехнулся мягко и затем его голова наклонилась вперед. Хал имитировал рубящий удар сзади ему по шее, пока он не видел.

Потом мы рассчитались по счету. Так как Оямада собрался уходить, мы все поклонились ему с уважением. Когда он повернулся к нам спиной, Хал имитировал пинок ему в зад. После он выполнил череду грубых жестов руками, когда садистский учитель уехал.

"Он травмировал тебя?" спросил я.

Хал распахнул сою рубашку в ответ. Его соски были в болезненных кровоподтеках.

"Он ублюдок," сказал Хал. "Он всегда травмирует вас."

На вечеринке номер три, в лапшичной лавке, я разговаривал с Сато. Он сказал мне, что я был испуган применением силы. "Есть два типа иностранцев," сказал он. "Один пугается силы, тогда как другому она весьма нравится. В Японии это более сложно. Здесь у нас есть форма. Изучая форму мы можем забыть силу, пока не готовы использовать ее. Но вы не должны пугаться."

Полицейское прозвище Сато было "Дед" из-за его манеры говорить в старой манере. Однажды я увидел, что он носил футболку с надписью "узаконьте марихуану". Его сестра привезла ее из Калифорнии. Я спросил его, знает ли он, что это означает. "Ах, да," сказал он. "Но я не интересуюсь такими вещами."

Я спросил его, почему он никогда не позволяет отразиться боли на своем лице.

"Если я показываю боль, я начинаю чувствовать иную боль, своего рода боль, которая говорит мне, что пора остановиться. Но если я держу свое лицо чистым, боль не настолько плоха. Мы называем это "лицом Каннон", лицом как у Будды."

Когда мы тренировались с полицейскими, японские учителя предпочитали ставить иностранных сенсусэй в пары с японскими. Если вы были не достаточно быстры, то вы заканчивали с Сакума, потому как никто не хотел тренироваться с ним. Это было не потому, что он был особенно плох как партнер, хотя в начале он

был заметно хуже чем кто либо еще, это лишь означало, что вы вынуждены будете быть его партнером во всех оскорблениях от лица учи-деши.

Большую часть времени я тренировался с Шерлоком. Ему нравилось тренироваться сом мной потому, что в отличие от Маленького Ника и Бешеного Пса, я делал техники настолько жестко, насколько их делал он. Шерлок не хотел получить травму и я тоже. Когда бы ни подошел к нам учитель, мы оба начинали немного ужесточаться, а потом снова ослабляли напор. Шерлок мог принять наказание, когда это было нужно, в отличие от Хромого, который всегда получал травму. Мы знали имена всех полицейских, но по какой-то причине клички, появляясь, сразу же приставали.

Хромой носил повязки на обоих запястьях. Он выглядел самым слабым из полицейских - он был похож на студента колледжа. Его настоящим именем было Ямагучи, но все звали его Хромым или братом Эльфа.

Эльф, Фуджи-сан, обладал головой странной вытянутой формы и большими ушами. Он был нервным и искренним. Он часто оказывался в паре с Хромым. Вместе они были близницами-эльфами. Эльфы, но все же полицейские, и хотя их лица часто искажались болью, они никогда не сдавались.

Поскольку их места были рядом с моим, я часто оканчивал тренировки с близнецами-эльфами, когда не тренировался с Шерлоком. Они были хороши в тренировке, потому как не были одержимы силой и мощностью. Они лишь хотели понять форму правильно.

Другие сенсусэй пренебрегали близнецами-эльфами. К этому времени почтительные замечания исчезли из бесед о "Гражданской Полиции". Скоро они стали просто "копами".

Я не знаю, чего я ожидал до курса - шести-футовых крепьшей в шрамах и выпуклых мышцах? Беспощадных копов, которые слишком много времени провели с людьми по другую сторону закона? Серьезных крепких парней вроде Пола? Эта группа была достаточно дисциплинирована и, как группа, они впечатляли гораздо больше, чем мы. Но один на один они весили меньше и проявляли больше иронии и меньше преданного безумия.

Физическая хрупкость Эльфа и Хромого считалась их ошибкой. Мы молча побуждались к "избиению полицейских сегодня". Но даже гражданские полицейские не железные и из-за слабых запястий Хромого сострадание требовало беречь его.

Маленький Ник с этим был не согласен. Когда бы у него не появился шанс, он давал Хромому приличную взбучку. Некоторые учителя тоже принимали в этом участие. Во время одного занятия Хромому пришлось делать техники только на одну сторону, потому что не только его запястье, но и локоть оказались повреждены. Мы выполняли технику хиджишима, болевой прием на локоть, единственную технику в айкидо, где болевой прием выполняется в противоположном стигбу сустава направлении. В этой технике локоть растягивают и надавливают на тыльную сторону руки. Если не выполнить уход из этого положения достаточно быстро, то локоть может быть сломан или сильно потянут.

Чино вел занятие, расхаживая по залу и время от времени выполняя свой убийственный болевой прием на людях. Я тренировался рядом с Маленьким Ником и Хромым, когда услышал явственный треск здорового локтя Хромого. Он остановился и затряс рукой от боли. Чино видел все, он ухмыльнулся редкозубой улыбкой в сторону Маленького Ника и показал ему два больших пальца вверх. Локоть не был сломан, но около недели оставался на перевязи. Именно это Чино и хотел видеть.

Никто не критиковал Чино за такое отношение. Было очевидно, что все учителя проходили через "жесткую" фазу и такое отношение к полицейским считалось справедливым всеми, включая "заказчиков".

Даже Андо милосердный ранее был известен как "маленький чертенок" (по-японски это звучит значительно лучше), не щадил никого в своем агрессивном стиле ведения тренировок. После того как он женился, Андо стал милосердным и его тренировки превратились в реальное облегчение. При его самом маленьком росте и лучшей скорости среди учителей, его свободный стиль айкидо походил на работу Канчо. Андо любил шутки; когда Чино был учеником и подвозил его на багажнике велосипеда, Андо закрыл ему глаза ладонями и они слетели с крутого холма. Из всех учителей только у Андо лицо выражало доброту.

Поскольку полицейские подвергались постоянному преследованию они хорошо присматривали друг за другом. Возможно преследование было намеренно создано, чтобы собрать воедино дух команды, но у "профессиональных" айкидок жалость полицейских друг к другу вызывала лишь усмешку.

Было очевидно, что иностранцы были более одержимы тренировками, чем японские сенсусей. Атмосфера одержимости была воспитана учителями. Она передавалась примером и поощрением севанин-ассистентов, Майком "Шипом" Кимедой и широко-костным "Толстяком" Стумпелом.

В Японии одержимое поведение считается нормальным. Но это неброская, скромная одержимость. Это отнюдь не западная горячность. В то время как японцы умели быть жесткими и дружелюбными одновременно, у иностранцев этого не получалось. Дружелюбность означала отсутствие серьезности отношения.

Иностранные сенсусей были более сбиты с толку, чем полицейские. По крайней мере полицейские знали значение будо. Буквально будо означает "путь войны", но так же имеет и коннотации за пределами этого значения. Оно включает в себя способ жизни основанный на жертве, чести и боли. Полицейские знали о будо и отказались от него. Даже Канчо сказал: "Современное айкидо больше является физическим упражнением, чем будо". Но иностранцы жаждали традиционного пути, боли и чести. Они хотели будо bona fide и не меньше.

Толстый Фрэнк и я решили отправиться на остров Эношима. Надо было добираться несколько часов поездом и пересечь пешком плотину по пути к острову, что напомнило мне посещение в детстве монастыря Святого Михаила во Франции. Мы поднялись, проходя мимо многих святынь, на высшую точку возвышенности острова и выпили пиво, обозревая сверху волны, разбивающиеся о скалы под нами. "Как ты думаешь, где ближайшая земля здесь?" спросил Фрэнк.

"Я думаю Япония, ведь мы находимся на изгибе бухты."

"Не верно, ближайшая земля отсюда - Америка, Калифорния." Он объявил Калифорнию с томным смакованием, будто подчеркивая ее статус земли обетованной.

Нас позвали одни друзья, которые жили на пляже Чигасаки рядом с Эношима. Они были нашими японскими друзьями, брат с сестрой, и их отец жил с ними. Он был замкнутым, когда вы приезжали, японским мачо - беспробудным пьяницей, дебоширом, постоянно командовал. Возвращаясь назад из суши бара, Фрэнк шел впереди на несколько шагов, и не был как обычно наблюдательным. Возможно это было из-за сакэ, которое мы выпили, он не заметил полицейского, пока его не потянули в сторону за рукав. Немедленно отец залился смачным смехом. "Что вы делаете?" спросил он требовательно у копа. "Этот человек окончил Кембриджский университет! Кембриджский университет, вы слышите?" Полицейский подхалимисто улыбнулся и пожелал нам хорошего вечера. После, когда мы отошли, Фрэнк прошептал отцу: "Я никогда не был в Кембридже."

"Не был?" спросил отец, широко раскрыв глаза в ложном удивлении, и затем он начал смеяться, сильно и громко, без остановки, он смеялся все время, пока мы шли домой.